

ИЮЛЬ

Н.К. Рерих. Нью-Йорк. 1921 г.

3 июля 1921 г.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

Зовём вас в горы Нью-Мексико.

4 июля 1921 г.

- Мориа давно руководит вами. Н Рерихом – с 1891 г., Е. Рерих- с 1910 г.

Публикуется по изданию: Записи Учения Живой Этики. Т. 1. М. 2007.

25 июля 1921 г. Нью-Йорк

Письмо Н.К. Рериха к Шибяеву В.А.

Дорогой и родной Владимир Анатольевич.

Спасибо за письмо. Сердечно радуюсь, что Вы идёте и восходите! Так надо. Сегодня вечером мы узнаем ответы на Ваши вопросы, а пока напишу о наших делах. Вы уже знаете, что Аллал-Минг — это Master Moria. Он руководит мною и моей семьёй. Теперь его message мне — ввести духовность в искусстве Америки, основать школу искусства имени Мастеров и основать общество: «Cor Ardens». Общество уже основано. Школа, Бог даст, будет открыта осенью. А духовность моего искусства здесь глубоко понята и намечается много учеников и последователей. Затем мы должны ехать в Индию, в Адьяр, где надеюсь встретиться с Вами. Теперь, будьте добры, передайте М[адам] Безант (и Вадиа), что мы идём по тем же путям и работаем во имя того же. Расскажите ей о делах, мне порученных, о том, что уже сделано, передайте проспекты «Cor Ardens», а и просто сообщите ей перевод этого письма, ибо здесь тайны не должно быть, и для неё вообще нет тайн. Вы знаете, как мы чтим Блаватскую и её преемницу Besant. Недавно ко мне адресовался очень видный теософ Кнауф и написал мне, что он знает, почему Master Moria избрал моё искусство и меня для проводов искусства в Америке. В прессе это много

раз было отмечено, т. е. о gospel,¹ моей выставки и моей деятельности. Теперь целая группа интеллигенции выдвинула мою кандидатуру на Нобелевскую премию. Выйдет или не выйдет премия — это не важно, но важно то, что, значит, характер работы клонится в определённую международную сторону. Кроме этих проявлений, у нас было много указаний и советов. Скульптор Дерюжинский был спасён от укуса бешеной собаки. Затем г. Раан имел видение, о котором накануне мы были предупреждены. Нам было сказано, а он на следующую ночь почувствовал себя в снегах Гималаев (даже несмотря на жару, завернулся в два одеяла), и к постели его подошёл Мастер Могиа и долго смотрел на него. И только после его рассказа мы поняли, что наше указание было именно об этом видении.

У нас были указания на поступление в масонство. Книги «Звёзды Востока» меня очень радуют, ибо в них подчёркнуто грядущее значение искусства. Также точно мне очень хотелось бы повидать М[адам]. Безант, ибо в ней столько творческой силы. Непременно передайте ей всё от моего имени. Один экземпляр «*Cog Ardens*» для Вас, а другой — для неё.

В чикагском журнале «*The Messenger*» от июня Вы найдёте статью о моём приезде; это журнал теософического общества. Вы понимаете, что учение, внесённое через искусство, даёт новые неиспользованные пути. Само название «*Cog Ardens*» дано Мастером. Перед отъездом в Чикаго мне тоже было повторено о начинании и, кроме того, было дано Наставление «Ловцу, входящему в лес». Юрик перепишет его для Вас. Вообще мы ясно видим, почему я должен был до Индии побывать в Америке.

Узнайте, прошу Вас, подробности жизни в Адьяре для приезжающих и предупредите Вадью, что я, по указанию Мастера, полагаю воспользоваться его приглашением через год. Видения моей жены продолжаются. И высокое руководство, ко благу, даёт полный смысл жизни и творчества. Оставляю место. Припишу после — вечером. Помните, как Индийский Святой после самадхи воскликнул: «*Verily Beauty is Brahman. Verily Art is Brahman. Verily Science is Brahman. Verily all Glory, all Magnificence, all Greatness is Brahman*»². А через Art — приходит Love. Сказал Мастер Мориа: «Довольно поступить в Звезду. С ним встречусь в Адьяре. Руль чистый у него. У руководителя Рерих один из наставников явлен того, что освещает путь человечества.

Шибает воспринимает новое учение сердцем — родным его можно назвать».

Значит и в масоны, и в Звезду не следует одновременно поступать. Последняя фраза, очевидно, относилась к моему обращению на письме утром.

Работайте, достигайте — перед Вами Индия и углубление, восхождение.
Целую крепко.

Ваш Н. Рерих.

Хорошо бы перевести "Наставление ловцу...!"

1 W 67 Street

25 июля 1921.

Публикуется по: Н. К. Рерих, "Держайте!" Письма (1921-1925). Абакан. 2012.

¹ букв. : евангелие (греч. «благая весть»).

² «Воистину Красота — это Бог. Воистину Искусство — это Бог. Воистину Знание — это Бог. Воистину вся Слава, всё Великолепие, всё Величие есть Бог» (англ.).

26 июля 1921 г. Нью-Йорк.
Письмо Е.И. Рерих к Ю.Н. Рериху

Милый мой Юханчик, я уверена, что у тебя всё пройдёт благополучно. Борьба всем приходится, в этом жизнь и совершенствование, и нет человека, у которого всё шло бы гладко. Я думаю, что со временем ты даже полюбишь преодолевать препятствия. Ведь все большие люди, преодолевая препятствия и даже терпя поражения, приобретали новые силы, новые способности. На днях Аллал Минг сказал: «Поручаю Юрию считать Рериха поэтом явлений духа».

Светка кончил экзамен, кажется, хорошо, от него трудно что-либо добиться. Стараемся выбраться на август и сентябрь в Аризону.

Денег очень мало, но Аллал Минг обещал устроить поездку, а так как всё, что он говорил, исполнилось, – я верю, что мы поедем. Не знаю, писал ли тебе папа, что собака Дерюжинского вторично чумилась и после страшного припадка – околела. Не изумительно ли это?! Ещё так недавно Дерюжинский смеялся над вторичным предупреждением. Как Аллал Минг был прав, когда он советовал Дерюжинскому не отдавать собаки Розенбергу, ибо Розенберги страшно привязались к этой собаке и у них сейчас большое горе. Они пишут, что они как бы осиротели. Это было его единственное утешение, он целые дни дрессировал и нянчился с этой собачонкой.

Теперь, когда так много исполнилось того, что говорил Аллал Минг, поражаешься, видя эту мудрость и предвидение. Мне очень интересно будет вместе с тобою проштудировать все указания и советы Аллал Минга. Это такое мудрое руководство! «Слово моё – медь сверкающая» – это вчера. Мне он говорит только намёками, я должна сама разобраться. Вчера он мне сказал: «Сядь – на чуткое ухо уста скажут», а затем последовал ряд отдельных слов, ничего не говорящих папе, но я поняла – мне был дан урок. Я так полна Аллал Мингом, что иногда целый день чувствую в себе прилив необычайной радости. Мы все искали Учителя, а он был около нас, и мы его не узнали.

Ну, целую тебя, моего родного мальчика, не бойся – всё будет хорошо. Призывай Аллал Минга и верь в его помощь! Он просит нас не сомневаться, верить и любить его, и таким образом ему легче нам помочь, ибо связи большие. Дайте довести дело до счастливого конца.

Публикуется по изданию: Елена Ивановна Рерих. Письма Том I (1919-1933) М.: МЦР, 1999

29 июля 1920 г. Straupitz.
Письмо Б. Григорьева к Рериху Н.К.

29.VII 920. Straupitz.

Дорогой друг!

Какая грубая ложь. Какая клевета на мир, на человека!

Кому сказать об этом? Только Вам. Сейчас пронеслась гроза. Как много она дала! Словно смахнула вчерашнюю пыль с души. И вновь она чиста. Надолго ли? Как трудно донести радость до следующего дня. Сегодня до вечера пробыл я в полях. Там нашёл, как золотой кусок, старичка. Он сидел, словно после молитвы. Думал ли он? Нет, он, должно быть, дремал. А вокруг него бряцали цепями овцы, да коза среди них. Кто послал его пасти? Молодые. А они

что делали? Быть может, спорили всё о том же. Я бродил с холстом. Я нигде не мог встать. И мой мольберт натёр мне под мышками. Подле старика я встал. Положил краски. А когда он глянул на меня из глубины своей, я схватил кисти. Так до темноты я оставался подле старого лица. Всё в нём было загадка, ещё не разгаданная живописцами. А тяжёлые лучи солнца ушли незаметно. Подошла коза. Что у неё было за лицо! Именно – лицо! Вот и картина. Теперь её пишу. И плач над нею, ибо она нашлась. А завтра, быть может, завтра, я её потеряю... Что будет завтра? Я давно уже не ищу. Я отдаюсь моей судьбе. О, как грустно, как тревожно!

И снова завтра. И снова холст. Быть может, остановит судьба. Быть может, подойдут лучи. Я всегда опаздываю к еде. Все уже давно сидят. Приглашение. Улыбка заготовлена перед зеркалом. Лица их ласковы, но всё тот же на них вопрос. Потом музыка. Мампе в бокалах, и гости, гости вокруг моего стола. Всё то же печальное лицо жены. Опять уже спит мой сын, и я не могу передать ему зрелую сливу, которую сорвал с дерева. Донесу ли до завтра мою радость, зрелую сливу, мою жизнь?

А музыка уже занялась. Полицайштунден ещё не скоро. Опять несут бокал с Мампе. Прошли запоздалые евнухи-волы с высоким возом ржи. Теперь начинаются танцы. Шпреевальдерки в синих и красных юбках да в белоснежных фартуках, наколов на головы бабочки из пике, показались на балконе.

Простите мне, добрые люди, за моё скучное лицо. Я неповинен в нём. Я иду посидеть у края моего сына. От него так сладко пахнет. И я погляжу на эти кулачки. Во сне они недвижимы как мрамор. Добрый друг мой, Рёрих, я подумаю и о Вас, у края сына моего.

P.S. «Лучше бы ты шёл в ногу со своими друзьями. А то из холода рождается только лёд. Бог с ним!» - пишете Вы, дорогой друг, о Саше Яковлеве. Да поможет ему Господь! Поможет он и нам.

Верный Вам *Борис Григорьев.*

Сейчас получил от Яковлева письмо, он идёт на l'île Port-Cros, var (chez Mme Bunan Varilla) Какая досада, его журналы не дошли до меня и затёрлись.

Архив Музея Рерихов, Москва.

Июль 1921 г. Нью-Йорк.

Письмо Н.К. Рериха к Рериху Юрию.

Дорогой Юрик, радуемся, что действуешь. Во всём нужна битва! Без неё нет и достижения. Всё будет ладно. Я работаю над костюмами для Снегурки.

По-видимому, Ал. Минг устроил поездку в Аризону. У нас каждый день поразительные сообщения. Чувствуется высокоразумное руководство. Всего не описать. Приедешь – расскажем. Света кончил свои экзамены. О Тебе Аллал Минг говорит – всё ладно.

Целуем крепко *Твой Н.Р.*

Архив Музея Рерихов, Москва.

31 июля 1920 г. Straupitz.
Письмо Б. Григорьева к Рериху Н.К.

31.VII 920.

Здравствуйте, дорогой Николай Константинович!

Вчера написал Вам среди людей и хаоса мои ощущения от жизни и о душе моей, сегодня получаю от Вас письмо. Прилагаю Вам этот клочок бумаги.

Вы пишете о времени, да, оно снова смешно и хитро, как лицо клоуна. Кого оно мне всегда напоминает? Уж не Ллойда ли Ж... А эти «наглецы» веселятся как дикари, поигравшие бумерангами на Европейской арене.

Какие разные настроения. Утро и вечер, когда тяжесть лучей утомляет мозг. О работах Ваших в Монографии узнаю, еду в Берлин на днях. Какой-то человек из Магдебурга назначает мне свидание в Берлине у меня в мастерской. Должно быть, покупатель. Это очень кстати сейчас. Я всё думал, что Вы спрашиваете о Лейпцигской Всемирной выставке, где много наших вещей застряло при начале войны. Я писал тогда, тем более, что и моих четыре вещи там до сих пор.

Вы, может быть, мне поясните, когда и кто Ваши картины в Мюнхене задержал? Впрочем, я, сообразясь с Вашими адресами, попробую узнать и теперь. Очень милое письмо прислал мне Шухов из Мустамяки, Он пришёл пешком по льду, без всяких приключений! Как это странно. Он пишет, что Бенуа, Добужинский, Петров-Водкин едва волочат ноги от истощения, да, чуть не за был, и Сомов тоже. Но перед моим отъездом Сомов мне говорил очень бодро, это всё пустяки и он лучше работает, чем когда-либо. Однако, и до него дошла очередь. Какой ужас.

Я написал мои мемуары около 20 фельетонов. Буду печатать. Хотел бы, чтобы Вы с ними познакомились. Право – интересно. Но как-то обидно, обидно за прошлое. Хочется мстить!

Очень жаль, что придётся послать Вам фотографии. К 15 августа никто не вернётся в город. Но я попробую перефотографировать 2-3. Какой ужас, что Вы пишете относительно «личных обманов», неужели и в Англии тоже? Эти джентльмены! Как много приходится иллюстрировать, как это трудно! Сижу под картиной «Старик и коза». Делаю из них «Новый век».

Когда едете в Индию? Привет супруге,

Борис Григорьев

Архив Музея Рерихов, Москва.

Сижу под картиной «Старик и коза». Делаю из них «Новый век».

Б. Григорьев. Старик и коза. 1920.

АВГУСТ

Июль-август 1921 г.

Письмо Н.К. Рериха к Рериху Юрию.

Дорогой Юрик, Передай мой привет Рергер'у. Выясняй следующее:

- 1) Четыре крупнейших имени русских: Vrubel, Seroff, Somoff и я.
- 2) Не только в прежней России, но и теперь мои вещи ценятся особо высоко.
- 3) Знаешь моё учение о 4-м интернационале – *красота и мудрость*. В политике мы не участвуем.
- 4) Оценка Тагора (your art is great – *англ. «ваше искусство великолепно» – ред.*) и лучших иностр. и рус. критиков.
- 5) Не хотят ли перевести статью Андреева? Посылаю статью New March. Дай Рергер'у.
- 6) Положение leader of art in Russia.
- 7) Крупнейшая школа.
- 8) Пророческие картины перед войной и революцией.
- 9) Строил буддийский храм. 10) Первые русские картины в Victoria Albert Museum. 11) Участие в теософии (если полезно) (если не повредите).
- 12) Знаток старинного искусства (на археол. не напирай).

На выставке проданы две вещи. Был Отто Кан³- в восторге. Ну, работай и сам для успеха выставки.

Целую крепко, *Н.Р.*

Скажи Рергер'у, что его фамилия по-русски читается как Røerich (Рёрич)

Архив Музея Рерихов, Москва.

Из письма Е.И. Рерих к Ю.Н. Рериху от 7 мая 1921 г.:

«На лето я почти решила ехать в Санта-Фе, в Аризону. Поедем на август и сентябрь. Предлагают дачу на самой границе с индейцами. Я решила всё заложить, но ехать – Пасику это необходимо и тебе будет интересно. В августе происходят священные праздники у индейцев, и мы сможем всё это увидеть! 7 мая 1921г....»

1 августа 1921 г. Чикаго.

Письмо Карла Хекнера к Галлен-Каллела.

Чикаго, 1 августа 1921 г.
М-ру Аксели Галлен, Финляндия

³ Otto Herman Kahn – банкир, меценат, коллекционер (род 1867 г. Германия)

Глубокоуважаемый сэр,

Высылаем Вам свод основных принципов и предварительный регламент деятельности недавно созданной международной организации художников "Cor Ardens".

Вначале года несколько прогрессивных художников из Чикаго избрали особую группу для формулирования программы, которая должна явить собой нечто большее, чем просто устав какого-нибудь закрытого клуба, так как "Cor Ardens" является организацией без географических ограничений, без ограничений численности, без каких бы то ни было интриг, спровоцированных духом наживы, что является недостойным художников.

В апреле члены этой группы вполне преуспели в выработке нашего устава - когда Николай Рерих приехал в Чикаго для участия в собственной выставке в Художественном институте Чикаго. Он одобрил наши планы, сказав, что в Лондоне, Париже и других художественных центрах подобные идеи и идеалы нашли понимание среди определённых групп художников. Он вошёл в нашу организацию, внёс много ценных предложений и в настоящее время начинает сотрудничать с художниками всего мира, которые симпатизируют идеям "Cor Ardens". Мы приглашаем для членства в нашей организации архитекторов, композиторов, писателей, поэтов, а также живописцев, скульпторов и графиков.

Учреждая отделение "Cor Ardens" в Финляндии, мы хотели бы заверить Вас в том, что Вы можете рассчитывать на моральную поддержку со стороны талантливых, чувствующих и поистине больших художников. На нашем собрании 16 июля члены нашей организации единогласно выбрали Вас президентом финляндского отделения.

Надеясь на то, что вы примете этот почётный пост и таким образом окажете помощь в распространении наших общих идей, я прошу Вас принять поклон от "Cor Ardens".

Карл Хекнер, секретарь.

Публикуется по изданию: Елена Сойна «Северный лик Николая Рериха». Самара, Изд. дом «Агни». 2001. С. 120.

3 августа 1921 г. Нью-Йорк.

Письмо Н.К. Рериха к А. Галлен-Каллела.

Дорогой друг Галлен!

Я рад послать тебе свидетельство об избрании в новое братство художников почётным президентом, представляющим Финляндию. Я пользуюсь здесь большим художественным успехом, и я рад, что Твоё имя здесь действительно очень высоко ценят.

Искренне Твой

Н. Рерих

Мы в братстве нуждались в Вас.

Публикуется по изданию: Елена Сойна «Северный лик Николая Рериха». Самара, Изд.дом «Агни». 2001. С. 120.

6 августа 1921 г.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

_ Я пошлю вам радость в Санта-Фэ.

...

- И мудрость Моего ученика процветёт.

- У духов избран Рерих помогать России.

...

Увидишь Меня в Санта-Фэ.

Публикуется по изданию: Записи Живой Этики. Т. 1. М. 2007.

15 августа 1921

Письмо А. Ф. Белого к Рериху Н.К.

15/VIII.

Дорогой Николай Константинович,

Правда, что очень давно не писал тебе, но я писал большие в своё время письма. Писал обо всём, но отправить мне их не представлялось возможным в своё время, носил в контору на Выб[оргскую] Сторону, но их не взяли тогда. Наконец, когда Гессен ехал - не взял писем, а по телефону дал мне 10 минут на разговор, и не знал я, видел ли он тогда тебя. Во всяком случае, мы живы, и я страшно радуюсь, что, наконец, можем переписываться, а даст Бог, и свидимся. Писать столько нужно, что я теряюсь, и сделать это можно только постепенно, не сразу. Но в сжатой форме постараюсь сказать тебе обо многом.

Вчера у меня была сестра Ольги Дмитриев[ны] и принесла повестку Ары для получения продуктов. Я от всего сердца благодарю тебя за память и заботу и целую тебя крепко. Во Втор[ник] буду получать.

Ол[ьга] Дм[итриевна] болела, немощна, и я все формальности проделал.

Твою открытку получил - спасибо. Радуюсь твоим успехам и славой за морями. Я читал и слышал много. Да и иначе и быть не могло. Одного хотел бы - это твоего приезда в Россию, и видать новые твои вещи, и тебя видеть.

Теперь, дорогой, вооружись терпением и выслушай меня. Ведь мы, славяне, - далеки американского духа - неврастеники, особенно в настоящее время исстрадались. Так слушай. Я нажил туберкулёз (начал болеть с 1918 г.), была цинга, и я потерял массу зубов и проч. О нервах и не пишу. Всё от истощения. Жаловаться много не буду. Это скучно. Когда-нибудь расскажу при свидании. Важно, что выжил. Но буду тебя, дорогой, просить очень за Стёпу. У него тоже с лёгкими не благополучно, и бедняга, обременённый семьёй. Ему страшно тяжело. Он хормейстером в оперетке. Труд тяжёлый и неблагодарный. Затем хочу связать его имя с именем брата Владимира (моего).

Дело в том, что Стёпа был у меня и жаловался, что Влад[имир], имея физиономию до того упитанную и жирную, что стыдно глядеть в такое время, - чинит препятствия к получению твоих вещей. Ах, прости, я забыл сказать тебе о том, что я ведь совершенно порвал всякие родственные отношения с братом. Т. е. не считаю его своим братом. Он со мной не живёт.

Дело в том, что в это время (с 18 г.) - многие сбросили с себя маску и показали, каковы они есть на самом деле, - то же случилось и [с] моим млад[шим] братом. И у меня к тебе просьба никогда не писать общего письма. У меня нет брата. Это мой крест за 4 года. Подробно не пишу. Тоже отклады-

ваю до нашего свидания. Скажу одно, что он сделал много в смысле сохранности твоих вещей. Это так, но и Степан Петрович немало сделал (но только по скромности своей не кричит об этом, кк. Влад.

Так вот, дорогой Ник. Константинович, ты считай, что он надеялся на милости за это. И мой совет - (знаю до тонкости его психологию - кот. я наблюдал все эти 4 года) - поблагодари его посылкой - что ли. Я не знаю ещё что. Но за то моя просьба следующая. Ты непременно пришли ему письмо, в кот. твёрдо укажи, что он должен сдать всё взятое им из твоей квартиры Стёпе или Боре - если последний приедет сюда. Это мой совет.

Я смотрю на Стёпу, к[а]к на кристальной души человека и мне больно глядеть, к[а]к какой-нибудь Влад[имир], ничтожество во всех отношениях, измывается над Стёпой. Я эти годы не раз плакал втихомолку благодаря милому брату.

Но ныне я ожил и сбросил с себя его иго. Да, тяжело иметь дело с хамами. Я же его спас. Устроил по службе, и вот - отблагодарил. Но довольно. Это скучно для тебя, но необходимо осветить, чтобы ты был в курсе. Одно скажу. Пора уже передать это «своим», если скоро сам не приедешь. Повторяю, Стёпа, Боря и Ол[ьга] Дм[итриевна] сами всё могут досмотреть и без Владимира.

Теперь начну писать о Школе. На неё я убил и здоровье, и всё время, но хочется всё же тебе сообщить, что она не погибла только потому, что я стерёг её [как] пёс. Дело в том, что сначала Наумов заделался комиссаром её. Ничего не делал и только языком болтал и был удалён. Назначен был Щуко, тоже бросил её. Наконец, ½ года правил ею Тырса. Вот тут-то и самое интересное время. Я всё время с ним работал. Вся его роль свелась к разрушению этой школы. Его тоже убрали, и вот с Октября 1920 г. я стал в[о] главе и по мере своих сил её поддерживаю. Это мне удалось. Я стараюсь сохранить дух твой. Всё время учащимся твержу о том, как ты школу поднял. И все мы, учащие и ученики, вспоминаем то славное время, когда ею руководил [ты]. И это не фразы. Я пишу искренне. Ты всё же меня знаешь. Школа с Мойки 2 года [как] переехала в Демидов пер. Там трудно работать. Нужен бол[ьшой] ремонт. Денег нет, а здесь уплотнились. Ждём лучших времён. Я же лично только и жду твоего приезда и мечтаю вручить тогда тебе школу. Повторяю, это моя мечта: Ты бы много мог бы сделать в смысле её возрождения.

Конечно, опять вводится плата за учение. Правда, мы очень скудно получаем вознаграждение, но у Государства нет средств. Беру заказы, и таким образом отчасти содержим себя. Лично я отдал школе [половину] здоровья своего и сил. И сейчас потрёпан. Но сохранил школу и даже дух её. Но я устал. Устал ужасно. В лицо ты не сразу узнал бы меня. Я постарел.

Вообще пережил многое. Школу потрепали изрядно. Керамику увезли на Фарфор. завод (Тырса). Библиотеку потрепали тоже (Тырса и Пунин). Первый вообще настроен против тебя. По моим наблюдениям, твои лавры не давали ему покоя, он всегда с усмешкой говорил об былом ореоле кот[орый] ты имел и [как] Директор и [как] художник. Он сейчас Директор] в шк. Штиглица. Тщеславен ужасно. Но очень не популярен и среди худож[ников], и среди учащихся. Теперь о твоей просьбе выслать издания — Стёпа и друг[ие] узнали, что это невыполнимо и по цензурным условиям, и по финансовым. Нужны громадные деньги. А их нет. Мы все голыши. Рад бы выслать — но сейчас это невозможно. Рылов, Вахрамеев, Бобровский просят тебе слать привет.

Рылов, Вахрам[еев], Бобровск[ий] в Академии. Там же Петров-Водкин, Горбатов, Татлин, Школьник, Браз, Наумов и др. У Штиглица Тырса, Денисов, Матвеев, Карев, Лебедев и много новых молодых. В нашей школе, кр[оме] старых Эберлинга, Фёдорова, Линдеман, Денисова, из молодых—Лишев (скул[ьптор]), Дроздов, Авилов.

В Об-ве Поощ[рения] я очень редко бываю. Там 1-ю скрипку играет Яремич. Председательствует Нерадовский (безличен). В Комитете из стариков - А. А. Ильин, а дальше всё больше новые лица: Эрнст, Воинов, Бенуа А-др, Степанов (секр.), Верещагин. Об-во в кризисе. Денег нет. Щавинского убрали и хорошо сделали. Он метил в председатели, задавал тон. Он очень прицеливался к твоей квартире. Вообще некрасивый господин и очень интересовался твоей коллекцией картин. Мой Влад. в Об-ве себя отлично чувствует. Я думаю, что ты и Елена Ивановна рисуете себе прекрасно его там роль, позы и проч.

Конечно, нужно отдать справедливость, что у него все достоинства «старшего дворника». Но всё же мне очень грустно, что у меня оказался такой брат. Это мой крест. В своё время я оказался малодушным и пошёл навстречу просьбам моей покойной матери взять его под свою опеку и влиять на него с доброй стороны. Но я ошибся жестоко и теперь за оплошность свою сильно наказан. Да, забыл тебе сообщить, что я ведь женат. Это моя старая привязанность, о кот[орой] я тебе говорил. С год [как] умер жены всё время болевший муж, и теперь она с дочкой и своей сестрой (проф. рояли Московск. консерватории), со мной. Дивные они все люди. Стёпа их всех знает и может тебе сообщить свои наблюдения. Они ему пришлось по душе.

За эти годы я многих потерял из близких и знакомых. Умерли моя мать, сестра, брат Николай, его жена и мать жены (все от голода). Из художников умерли Навозов (на улице), Беклемишев, Берггольц, Сергеев, Химона, Юдин, Косяков, Штемберг, Плотников и многие другие.

Забыл ещё сообщить, что в школе работают мастерские: рукодельная, столярная, ювелирная. Я брал заказы, и мы, таким образом, заработали на дрова в Школу. Это теперь называется - «самоснабжение». Думаю развить его ещё более широко. На днях, верно, откроем работу литографс. мастерской. Руководить будет ею худ. Бучкин. Была у меня жена Кустодиева, кот. ты прислал посылку. Он очень благодарит тебя.

Ну, дорогой мой. Я кончаю и ещё раз целую тебя за внимание; а также прошу поцеловать ручку Елене Ивановне и детей. И буду ещё раз просить тебя не забывать Степана Степановича. Это дивная, святая душа. Повторяю, что эти годы дали возможность окончательно выявить себя всем окружающим. И стало очень видно хороших и худых людей. С радостью буду читать твои большие подробные письма. Пиши же на имя Стёпы для меня. На всякий случай не пиши на Демидов.

Желаю тебе счастья, здоровья и радостей в твоих работах. То же и семье.

Твой всем сердцем

А. Белый

Прости что вышло такое сумарное письмо. Я сейчас весь в заботах, труде и пр. Боюсь даже того, что с трудом будешь разбирать моё письмо. Вот я ещё что хотел тебе сообщить - это что у брата находится, кроме разных картин, эскизов - некот. вещи и домашнего обихода. Одну из твоих картин я у него взял

к себе (это небо зелёное с месяцем - постель «Весна священная») - это объясняется огромным моим желанием иметь пред глазами хоть од[н]у твою картину, т. к. твоего «старика» - я, увы, продал в 18 году, когда я умирал с голоду, а хватил её тогда Никифоров (из банка Нольхена) за 500 р. Грустил я — но быть может и спас себя от смерти.

Вот я ещё дивлюсь на Ол[ьгу] Дмитр[иевну], [как] она любит Школу. Какая это редкая натура и [как] хранит она твои вещи.

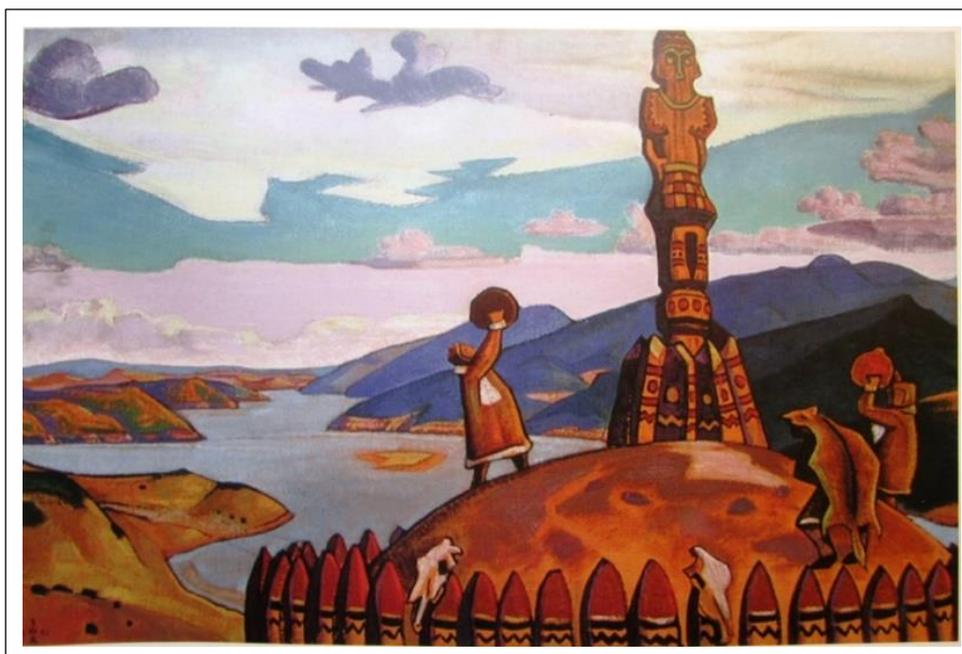
Пиши же, дорогой, подробно, что подельваешь. В каком духе пишешь картины. Это нас, художников, очень интересует. У Куинджи, когда я бываю, старые друзья засыпают меня вопросами о тебе. Привет от моей семьи. Целую ещё.

Архив Музея Рерихов, Москва.

26 августа 1921 г.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

- Рерих правильно задумал картину с идолом.

Н.К. Рерих. Танец охотников [Святые охотники] 1921.